

Анатолий БУШУЕВ

Дивногорск

Лауреат конкурса короткого рассказа за 2015 год, дипломант альманаха «Новый Енисейский литератор». Рассказы и стихотворения публиковались в периодической печати.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНЕЙ

Глава первая. Обморок

Так сладко ему не спалось никогда. Это был необычный сон, от какого-то полубытья до совершенно глубокого погружения в царство Морфея. Пробуждаясь, он понимал, что не выспался, и засыпал вновь.

Сергей Климов заболел. В свои сорок четыре он болел не часто, а если всё же случалось, то в поликлинику не обращался, на больничный не ходил, переносил болезнь на ногах до тех пор, пока это было возможным.

Работал Климов на мебельной фабрике начальником отдела по снабжению. Работа нервная, дёрганая, ответственная. Но на это раз Сергей Иванович свалился с ног буквально. На работе весь день промучился: и голова кружилась, и тошнило, и какая-то непонятная дурнота появлялась; а когда пришёл домой, то с ним случился обморок.

В своей жизни он дважды терял сознание: один раз его отправили в нокаут, когда занимался боксом, в семнадцать лет; а ещё раз — в армии, в первый месяц службы, когда переутомился, на жаре весь день, а на следующее утро вышел из казармы и закурил. С каждой затяжкой тише становился звук, в глазах темнело, успел взяться за опорный металлический столб, подпирающий козырёк у входа в здание, и провалился во тьму. Мимо него мчалась конница. Он открыл глаза: на фоне красного плаката с лозунгом — несколько склонившихся над ним пилотов. Ничего не мог понять: какие пилотки? откуда? Ах да, в армии же...

Поэтому, имея такой опыт за плечами, Сергей Иванович, почувствовав приближающийся обморок, успел

присесть, а так бы рухнул с высоты своего роста в метр восемьдесят всем весом в девяносто килограмм. Присев, ещё попытался справиться с мерзкими ощущениями приближающегося обморока — потемнение в глазах, липкий пот, ужасная слабость... Но всё равно отключился. Когда открыл глаза, то увидел стоявшие в углу прихожей ботинки и почувствовал щекой холодный ламинат пола.

«Что это? Я же на работе был...»

Сознание возвращалось медленно, и полнота восприятия действительности складывалась как картинки из пазлов.

«Я же успел прийти домой!»

Такое уже было, когда он лежал, ощущая щекой холод дерматинового покрытия боксёрского ринга, а вдалеке (тогда казалось, что это было очень далеко) он видел ботинки — не ботинки, впрочем, а боксёрки соперника, стоявшего в углу ринга. Сначала было очень тихо, а потом стал возвращаться звук, всё нарастая и нарастая. Без сознания он был всего несколько секунд, на счёт «восемь» он уже поднялся. Время в тот короткий период поделилось на множество микросекунд, и, казалось, в одну секунду происходило множество событий. Арбитр поединок продолжать не стал. Было это в Копейске Челябинской области, на всесоюзном турнире; тренер поспешил взять его на турнир такого уровня, и боксёрская карьера после того случая пошла на убыль. Не из-за нокаута. Молодость. Парень он видный: высокий, светловолосый, голубоглазый. Спортсмен. Девчонки в него влюблялись... А он...

Его угораздило влюбиться в Леночку. Они учились в одном техникуме, но на разных отделениях. Леночка была тёмненькой, фигура у неё уже сформировалась, и всё в ней было какое-то особенно волнительное: и полная грудь, и бёдра, и стройные ноги. Правда, Леночка была слегка легкомысленна, вероятно, оттого, что из обеспеченной семьи — отец работал главным инженером на деревообрабатывающем заводе. У них была своя «Волга».

Тем не менее отношения завязались. Однако, как выяснилось позже, Леночкиной взаимности домогался ещё один молодой человек — хулиган Витька Голубь. Леночке внимание со стороны Витьки было невыносимо. Витька

дождался её недалеко от дома, не давал пройти, грубо шутил, представлялся рубахой-парнем.

А тут, было это в начале ноября, Сергей предложил Леночке сходить в кино, та с радостью согласилась, рассчитывая, что Сергей проводит её после сеанса до дома, и если они встретят Витьку, то Серёга с ним расправится. Так и произошло.

Витьке было уже за двадцать, при этом за плечами два срока в колонии. Он считался авторитетом в молодёжной среде их городка Раздольска. Витька был белобрысым, веснушчатым, с наглыми глазами. Невысокий, но очень подвижный, резкий. По характеру дерзкий, хамоватый. Хорошо дрался. Витька увидел их издали — в начале переулка. Выпавший снег делал улицу светлой, поэтому Витька узнал Сергея сразу. Боксёр? Ну и что, видали мы таких. Витька пропустил их мимо себя, напевая блатную песенку, и дождался, пока Сергей пойдёт назад.

— Это, братуха, слышь чё! — нагло с вызовом, пытаюсь сразу подавить и захватить инициативу, начал Витька. — Ты, это, ничего не перепутал? Ну, рамсы не перепутал? Это же моя тёлка. Моя! Не знал? Ну, знай. Короче, сегодня я тебя прощаю, но больше даже близко к ней не подходи. Понял? — и после паузы — ещё раз: — Я спрашиваю: понял?

Что придётся драться, Сергей понял, ещё когда они с Леночкой прошли мимо Витьки. Леночка тогда уже шепнула, как надоел этот Голубь, прохода не даёт. Сергей заволновался. Не испугался, нет. Такое волнение возникает всегда перед выходом на ринг, его невозможно унять, это волнение, но оно проходит сразу же, как только перелезишь между канатами ринга. Сергей знал, что волнение пройдёт, как только Витька начнёт действовать, тогда уже можно будет действовать и ему. Двигаясь навстречу Витьке, он понимал, что конфликт с Голубем невыгоден — у Витьки кода дружков, да и сам он не подарок.

— Я спрашиваю: понял?

— Не понял. Ты кто такой вообще, чтобы мне указывать? — Климов старался говорить ровно, но голос всё же дрогнул, опытный Витька не мог не обратить на это внимания.

Сергей знал, что Витька будет бить первым, знал уже, когда понял, что драки не избежать. Он знал это и был готов. Витька попытался ударить тут же, после слов Сергея,

размашисто, снизу. Сергей стоял вполоборота к своему сопернику, левая нога немного впереди. Удар он видел и легко уклонился — сделал левой шаг назад и отклонил немного корпус. Витькин кулак пролетел мимо, а уже в следующий миг Сергей, одновременно с шагом левой ноги, выбросил вперёд правую руку, как на тренировке. Р-раз — попал точно в подбородок. Витька упал сразу, подкосились ноги, и он всем корпусом завалился на бок.

«Хорошо, что снег выпал, — подумал Климов, — так бы ещё головой об асфальт ударился».

Сергей взял в руку горсть снега и небрежно растёр его по Витькиному лицу. Он понимал, что Витька уже не опасен. Сам бывал в нокауте — знает, как тяжело возвращается сознание. Витька зашевелился, перевернулся, встал на четвереньки, его вырвало. Умывшись снегом уже сам, он проговорил хриплым голосом:

— Тебе, боксёр, не жить, я тебя, волка, на куски порежу.

Сергей усмехнулся — угроза была какой-то киношной и нестрашной.

— Ну-ну. Теперь ты меня послушай. Это моя девушка, будешь к ней приставать — покалечу.

Развернулся и пошёл, не оглядываясь...

У Сергея Ивановича пред глазами опять поплыло изображение. Он закрыл глаза, возможно, опять отключился, потому что видел то ли сон, то ли не сон: с грохотом, пыля, пронеслись КАМАЗы; как-то очень уж низко с рёвом пролетел самолёт; кругом улыбающиеся люди...

Вновь открыл глаза — и опять в углу прихожей ботинки. Попытался подняться — нет сил, а зато лежать вот так хорошо, хорошо. Только бы больше не отключаться. Похоже, задремал, не сразу услышал, что в замочную скважину вставляют ключ. Дочь. Сейчас она испугается, когда увидит его здесь на полу, а подняться нет сил.

И в тот самый момент, когда дверь приоткрылась, он постарался сказать как можно бодрее:

— Вера, ты не пугайся, я здесь лежу, — голос хриплый, слабый.

Она, конечно же, сильно испугалась — девчонке шестнадцать лет, худенькая, светленькая. Сначала расплакалась, но взяла себя в руки, помогла отцу перебраться в спальню на кровать. Кажется, здесь он опять потерял сознание от усилий, но ненадолго. Вызвали скорую.

Жены в те дни дома не было, она уезжала на курсы повышения квалификации в Москву.

Врач со скорой, средних лет женщина, миловидная, подробно расспрашивала, что да как. При ней Климов бодрился, старался выглядеть молодцом, шутить. Но получалось плохо. Измерили давление — восемьдесят на пятьдесят. Вот это да. Поставили укол и уехали. Была пятница, впереди два выходных, думал отлежаться до понедельника. И тогда он сначала задремал, а потом уснул. Он спал двое суток; в короткие перерывы бодрствования ему память прокучивала молодые годы.

Что же там было после драки с Витькой? Витька решил мстить. Как об этом узнали старшие ребята-боксеры, неизвестно. Впрочем, Раздольск — городок на шестьдесят тысяч населения, новости расходятся быстро. Но, скорее всего, Леночка видела эту драку и рассказала своей подружке, та, в свою очередь, своему ухажёру, который был в то время лидером группировки спортсменов, промышленявших на городской барахолке. Звали парня Андреем, к тому времени он уже отслужил в армии, в спортивной роте в Новосибирске. Выглядел Андрей старше своих двадцати двух лет. Широкоплечий, темноволосый, угрюмый. Когда Сергей пришёл в секцию бокса в тринадцать лет, Андрей был на четыре года старше и уже имел первый разряд. Их тренер Владимир Васильевич, небольшого роста, чуть раскосый, с щёткой усов, заботился о том, чтобы у старших по отношению к младшим не было никакого превосходства, а напротив — помощь.

Андрей и с ним ещё двое ребят под стать ему самому, модно одетые в дорогие куртки-«аляски», приехали на белой «шестёрке» к зданию техникума, где учился на четвёртом курсе Сергей. Занятия только что закончились.

На крыльце здания кучковалась банда Витьки Голубя. Их было пятеро. Развязанные, хамоватые, они курили,

громко смеялись, пытались приставать к девушкам-студенткам, задевали парней. Они ждали Сергея.

Андрей сидел за рулём автомобиля и внимательно наблюдал за «голубевскими». Вот в дверях появился Сергей, они его сразу окружили и после недолгой беседы направились за угол техникума. Тут же открылась дверь «шестёрки».

— Эй, братва, — голос у Андрея уверенный, громкий.

Голубь обернулся. Он сразу понял, что вариант проигрышный, но, держа марку, дерзко спросил:

— Чего надо?

— Голубь, ты мне не дерзи, — теперь в голосе Андрея звучала угроза, — я ведь не они, — и он кивнул в сторону молодых ребят-студентов, которых пять минут назад цепляли голубевские пацаны.

Андрей с друзьями подошли совсем близко к Витькиной банде. Расклад сил был ясен всем: четверо против пяти, но у четверых преимущество — они хорошо подготовлены, с поставленными ударами, не трусы. Витькины пацаны тоже не трусы, но против боксёров не потянут.

— Ты, Витя, ничего не попутал? Тебе чего от этого парня надо? Обиделся, что он бубен тебе разбил? Так там всё по-честному было.

— А ты чего за него впрягаешься? Это вообще не твоё дело, что там у нас было, — Витька и виду не показывал, что испугался.

— Голубь, я тебе ещё раз говорю: ты звук убавь! Ты знаешь, кто я? Ну и чего тогда прёшь? Тормози. Это наш пацан, в обиду мы его не дадим.

Казалось, что на этом конфликт закончился.

Через три дня, сразу после ноябрьских праздников, так же к окончанию занятий, Андрей опять подъехал на своей «шестёрке» к техникуму, но уже один. Дождался, когда выйдет Сергей, окликнул его:

— Серёга, садись, подвезу!

Все ребята в техникуме уже несколько дней только и говорили о том, как Климов побил Голубя, а теперь они с затаённой завистью смотрели, как он садился в машину к Андрею.

«Шестёрка» тронулась, в салоне играла музыка. После недолгой паузы Андрей спросил:

— Ну, как дела? Голубь больше не беспокоил?

— Нет. Всё нормально.

— Давай в «шашлычку» заедем, поговорим, — Андрей мельком взглянул на Сергея и, предвидя, что у того нет денег, добавил: — Не бойсь, я угощаю, — при этом Андрей подмигнул.

Опять выпал снег, дорога была скользкой, машину водило из стороны в сторону, но Андрей, не сбавляя скорости, лихо подъехал к самым дверям кафе.

«Шашлычная» была местом известным в городе, там обычно собирались личности, в той или иной степени имеющие отношение к криминальному миру, в городе их называли блатными. Это было прямое полуподвальное помещение со сводчатым потолком. Барная стойка находилась прямо напротив входа, вдоль стен с одной и с другой стороны стояли по четыре столика. За одним из них, рядом со входом, сидела семейная пара средних лет, а через проход, около стойки, — трое парней; близко склонившись головами друг к другу, они что-то обсуждали вполголоса. Все они были крепко сложенными, коротко стриженными, одетыми в спортивные «адидасовские» костюмы, в то время безумно дорогие. Тяжёлые взгляды, крепкие кулаки с набитыми костяшками. Сергей заочно их знал, но только в лицо. Бывшие борцы-вольники. Одного, с жёсткой чёрной щетиной на лице, кажется, зовут Максим. Макс.

Андрей поздоровался со всеми за руку. Было видно, что парни за столиком относятся к нему уважительно. Климов не знал, как ему поступить — подойти так же поздороваться или так и остановиться на полкорпуса от Андрея. Но ситуация разрешилась сама по себе: Макс, сидевший ближе всех к нему, первым протянул руку. Сергей также поприветствовал рукопожатием и двух других ребят.

Рукопожатие среди мужчин — это не пустой ритуал. Особенно в такой среде, где обитал Андрей и где невольно оказался Сергей. Если тебе протянули руку, значит, ты что-то из себя представляешь. Сергей вспоминал, как на занятиях по боксу их тренер Владимир Васильевич прививал им, мальчишкам, привычку здороваться друг с другом за руку. Поэтому после тренировки в раздевалке, когда младшие уже закончили занятие, а старшие только собирались,

было в порядке вещей, когда старший на три года парень подходил к младшим своим товарищам и со всеми здоровался за руку. Климов хорошо помнил те времена, когда Андрей, уже будучи кандидатом в мастера спорта, запросто здоровался с ним, Сергеем, спрашивал, как дела.

— Андрей, Голубя этот паренёк прессанул? — Максим спросил несколько бесцеремонно.

— Этот.

— Красавчик, — Макс одобрительно кивнул. — Голубь уже давно на неприятности нарывается, но он, по-моему, Рыжего под это дело подтянуть хочет.

Андрей недовольно поморщился:

— Разберёмся, — и повернулся в сторону стоявшего за стойкой смуглого, с усами, мужчины: — Самвел, нам люля-кебаб по двойной порции.

Климов с Андреем сели за столик по диагонали от знакомых парней и стали ждать заказ. До Сергея доносились обрывки фраз. Макс рассказывал, что какой-то его московский знакомый проиграл в карты сто тысяч рублей и выплатил весь долг.

— Я от людей слышал, что он за сотку попал на катране, за три месяца рассчитался. Прикиньте, в Москве какие деньги ходят. Надо туда ехать, а то так и просидим здесь, у Самвела, до пенсии.

Принесли ароматный люля-кебаб. Андрей как бы нехотя начал говорить:

— Что Макс сказал — это, в натуре, серьёзно.

Сергей заволновался, встретился взглядом с Андреем, в его глазах были уверенность и твёрдость.

— Не ссы. Не бросим. В общем, есть такой человек, зовут его Рыжий. Серьёзный дядя, ему лет тридцать пять, хозяйский. Сроку — двенадцать лет. Он тебя перекусит и не заметит как. Они с Голубем вместе сидели, и они приятели. Некоторые думают, что Голубь у него в шестёрках. Это не так. Короче, они с тебя спросить хотят, на меня вышли. Я завтра поеду с Рыжим разговаривать насчёт тебя, скажу, что ты с нами работаешь, но тебе придётся какое-то время с нами потусоваться, чтобы непоняток не вышло. Улавливаешь?

— Как это — поработать?

— Ты ешь давай, — Андрей усмехнулся. — У нас бригада небольшая, мы на барахолке барыг дербаним. Но ты так с нами походишь, для вида. Понравится — вольёшься в коллектив, нет — вольному воля. Но сейчас самое главное — этот рамс разрулить.

— Андрей, а почему ты за меня в такое опасное дело вмешиваешься?

Андрей немного подумал.

— Своих не бросаем. Мне как потом в глаза Васильичу смотреть? Он ведь узнает, как всё было.

Сергей как-то сник. Уж было бы проще, если бы его один раз избили голубевские пацаны, чем сейчас понимать, что стал причиной конфликта очень серьёзных людей. Климов тогда не понимал, что эта ситуация была Андрею на руку: в Рыжем он видел конкурента, более того — он чувствовал, что Рыжий имеет больший вес среди жуликов, братвы, шпаны.

— Короче, встречаемся завтра здесь же, в семнадцать ноль-ноль. Не опаздывай, на стрелку опаздывать нельзя. Запомни.

— На какую стрелку?

Андрей усмехнулся:

— Не опаздывай, — и, протянув Сергею руку, дал понять, что на сегодня дела закончились...

...— Пап, тебе надо что-нибудь? — Вера заглянула к отцу в комнату.

Сергей Иванович пробудился от дремоты.

— Нет, доча, спасибо, ничего не надо.

— Я уйду ненадолго? Если что — звони.

— Хорошо, иди, всё нормально...

Климов включил телевизор и вновь задремал под монотонные репортажи канала «Вести 24». Сон был сладостным, что-то снилось.

...Было это десятого ноября 1987 года, был День милиции.

— Ну, пацаны, мы, в натуре, как будто День милиции отмечаем, — широкоплечий рыжеволосый мужчина, широко улыбаясь, сверкнул жёлтым металлом передних зубов.

Хоть он и улыбался, бледно-голубые глаза были холодны и смотрели на мир очень внимательно. Неприятные

глаза, злые. На мужчине были коричневый кожаный плащ и коричневая норковая шапка-ушанка. Андрей с Климовым уже сидели за столиком в шашлычной Самвела напротив друг друга. Рыжий, а мужчина в кожаном плаще был именно он, подошёл к ним и приветливо поздоровался, протянул руку сначала Андрею, затем Сергею и представился:

— Юра.

Рука Рыжего была синяя от татуировок, на пальцах наколоты перстни, средний казанок тыльной стороны был естественно огромным. Это была тяжёлая рука бойца.

Андрей кивнул Самвелу, и тот неслышно прошёл через зал, запер на ключ дверь и повесил табличку «Санитарный день».

Рыжий бесцеремонно отодвинул стул и без приглашения сел рядом с Климовым. Кивнул сидящим в углу кафе Максу с компанией.

— А эти комсомольцы здесь зачем? Боитесь меня, что ли? Дык я человек мирный.

Рыжий достал из кармана пачку «Мальборо», извлёк сигарету, пачку небрежно бросил на стол.

— Закуривайте.

— Не курим. Спортсмены, — неожиданно ответил Сергей.

Рыжий удивлённо посмотрел на него и заразительно рассмеялся.

— А шустрый парнишка, — Рыжий кивнул в сторону Климова и, уже обратившись непосредственно к нему, спросил: — Это у тебя, что ли, с Голубем непонятка вышла?

Перед встречей Андрей подробно инструктировал Сергея и настоятельно ему советовал как можно больше молчать, говорить будет он, но здесь Климов своим нелепым ответом позволил Рыжему завладеть инициативой в разговоре.

Андрей поморщился, его смуглое и без того серьёзное лицо стало ещё серьёзнее.

— Ты что, Андрюша, как на заседании ассамблеи ООН, такой серьёзный? Расслабься, — Рыжий с удовольствием затянулся, над столиком поплыл синий сигаретный дым. — Самвел, принеси что-нибудь похавать, а то как на допросе.

Самвел засуетился за стойкой. Рыжий снял плащ и перекинул его через спинку стула.

— В общем, паренёк, отвечать придётся, — теперь Рыжий смотрел на Климова серьёзно, без улыбки.

Сергею сделалось не по себе.

— Это за что же отвечать? — спросил Андрей. — Там из-за тёлки случился конфликт, один на один, всё по-пацански.

— Андрюша, а у тебя что, есть права рамсы разводить? Или ты просто за него мазу тянешь?

— Да какой тут рамс? Нет, ну давай вора из Москвы пригласим, дело-то серьёзное. Так, что ли? — Андрей ёрничал, но Рыжий прекрасно знал, что Андрей в приятелях с Игорем Шведовым, который уже два года жил в Москве и имел общие дела с очень авторитетным человеком.

Рыжему невыгоден был конфликт с Андреем, наоборот, он пытался эту ситуацию обратить в примирение и в дальнейшую если не дружбу, то мирное существование. Рыжий понимал, что вот-вот начнётся лихое времечко и именно сейчас нужно делить сферы, заключать союзы, чтобы никого постороннего уже в свои вотчины не пустить.

— Кстати, как там Швед себя чувствует? Говорят, с хороших дел машину купил, — Рыжий вдруг перевёл разговор на другую тему.

Куда-то делось напряжение, разговор сделался непринуждённым. В какой-то момент Рыжий с Андреем переглянулись, и Андрей, обращаясь к Сергею, сказал:

— Братка, ты, может, домой пойдёшь?

Уже потом, много позже, Климов поймёт, что Андрей использовал его в этой ситуации, чтобы тоже заключить союз с Рыжим. Андрей, конечно, рисковал, Рыжий был не подарок. Но, как известно, кто не рискует...

...Леночку он позвал посмотреть телевизор в квартире своих родственников, которые уехали отдыхать в Кисловодск. Они встречались уже два месяца, но в последнее время Сергей стал замечать, что Леночка от него стала уставать, в её глазах не было интереса, она часто смотрела на часы — в общем, Климов понимал, что он ей надоел. Однажды она сказала Сергею, что он какой-то слишком порядочный, вот не захотел с Андреем работать. Вон Женька — подружка

Андрея — каждый вечер в ресторане, а они? Раз в неделю в кино сходят, потом долго целуются на улице. Порой даже поговорить не о чем...

А тут позвал, но как-то стесняясь. Давай, говорит, побудем вдвоём. Леночка даже обрадовалась, хотя Сергею уже было ясно, что они скоро расстанутся и продолжения их отношений не будет. Сестра Сергея говорила, что видела пару раз Леночку с Вадимом. Вадим — двадцатипятилетний голубоглазый блондин, водитель «Волги» из горисполкома. Уже после, много времени спустя, Сергей анализировал и не мог понять, как она пошла на эту встречу, если у неё уже завязались отношения с Вадимом. Это была загадка. Но всё равно на встречу с Сергеем согласилась. А Климов готовился к встрече основательно, купил бутылку коньяка, шоколад, яблоки, кофе. Из шашлычной Самвела взял три порции люля-кебаб.

Они выпили, стало легко. Сидели, непринуждённо болтали.

— Поздно уже, Серёжа, я пойду, мне домой надо, — Леночка хитрила, дома она предупредила, что не придёт, сказала, останется у подружки Женьки.

— Давай останемся здесь. До утра, — от выпитого Сергей чувствовал себя уверенно; он взял её за руку и посмотрел прямо в глаза. — Вон телефон, позвони домой, скажи, что у Женьки ночевать останешься. В конце концов, мы же уже не дети.

Леночка рассмеялась.

— Дети мы ещё, Серёжа, ещё какие дети. Особенно ты, — и, видя, что он изменился в лице, быстро добавила: — Не обижайся, Серёженька, я останусь. Где телефон?..

...Они долго лежали без движения, обессилевшие. Леночка не была невинной до Сергея, он это понял, но не испытывал никакого чувства ревности, он был наполнен нежностью и хотел всю эту нежность отдать Леночке — своей женщине. Они уснули.

Потом, в течение недели, они спали вместе ещё два раза. А затем отношения резко изменились... Леночка стала уклоняться от встреч, они не виделись по несколько дней подряд, а если Сергею и удавалось добиться свидания, то радости оно ему не доставляло: Леночка была холодна, неприветлива и постоянно куда-то спешила.

Через месяц они расстались. А ещё через полгода Леночка вышла замуж за Вадима. Теперь она уже давно живёт в Питере. Иногда они переписываются в «Одноклассниках», но очень редко.

...«Вести 24» вещали о событиях семнадцатого октября 2014 года. Сирия, Донбасс, лихорадка Эбола. Сергей Иванович или слышал это сквозь сон, или тут же видел сны обо всём сказанном.

Он вновь проснулся, но чувствовал себя очень уставшим, и опять хотелось спать. Пересилив дремоту, попытался вспомнить, что же было дальше.

Вспомнилась последняя встреча с Андреем и Голубем, произошло это лет десять спустя после той памятной драки. Конечно, он изредка встречал в городе и того, и другого, но по отдельности, а здесь оба вместе. Остановился джип, из него вышел седоватый мужчина, смуглый, хмурый, поджарый. В стильном тёмном пальто. Это был Андрей. Сергей как раз гулял с дочкой.

— А мы едем, смотрим: ты — не ты? Как жизнь, братан? — Андрей улыбнулся одними губами.

— Клим, ты, что ли? — пассажир в джипе в чёрной кожаной куртке оказался Голубем.

Он тоже сильно изменился, возмужал, стал крепче. Только глаза были такими же наглыми, смотрящими с вызовом.

Сергей обрадовался, увидев их. За это время Голубь успел ещё раз побывать в местах лишения свободы и, говорят, был там в авторитете. Андрей этой участи тоже не избежал. Теперь они объединились, и такой тандем был очень опасен. Сергей бы не позавидовал человеку, решившему перейти этим двум отчаянным парням дорогу.

— Серый, я слышал, ты институт закончил? — вопрос Андрея был несколько странным.

— Ну да.

— Ты кто по диплому?

— Инженер. Технология машиностроения.

Андрей с Голубем переглянулись.

— То, что надо, — Андрей сделался очень серьёзным. — В Москве не хочешь поработать?

Увидев в глазах Сергея сомнение, Андрей добавил:

— Криминала вообще никакого. Мы там за одной фирмой присматриваем, делают обогреватели, ещё какую-то ерунду. Короче, там специалист нужен, которому по ушам не проедут. Постоянно жить там не надо — так, время от времени. Ну как?

— А почему мне-то предлагаете? Вон их, инженеров, сколько безработных, в той же Москве — тысячи.

— Братан, нужен свой человек. Понимаешь — свой! Короче, подумай. Мы сейчас с Голубем туда смотаемся, через неделю прилетим, я тебе позвоню, телефон у меня есть. Деньгами не обидим — будешь сыт и пьян, — Андрей чуть улыбнулся.

— Клим, а помнишь, как мы с тобой из-за тёлки порамсили? — весело спросил Голубь. — Я ведь, в натуре, тебя порезать хотел, — Голубь засмеялся.

Смех его был звонким, беспечным и заразительным. Даже дочка Сергея заулыбалась, глядя на Голубя.

— Кстати, Юра Рыжий прибрался в прошлом году. Помнишь его?

— Завязывай, Голубь. Всё, мы погнали, до встречи.

Андрей сел в машину, и они уехали. Больше Сергей их не видел. Живых не видел. Через десять дней и Андрея, и Голубя хоронили. В Москве их расстреляли прямо в автомобиле. Говорили, что по ошибке — с кем-то перепутали.

Убедившись, что вспомнил всё, Сергей Иванович снова уснул.

В понедельник его положили в больницу.

Продолжение следует